

УДК 343.235

**СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ:
ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ**

Наталья Александровна Егорова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, egonatalex@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы толкования уголовно-правовых норм, содержащих основной либо квалифицирующий признак состава преступления, связанный с совершением деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть „Интернет“)", а также пункта «т» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающего одноименное обстоятельство, отягчающее наказание. Затронуты такие проблемы, как место публичной демонстрации в системе признаков объективной стороны преступления; объект и субъект демонстрации; технические способы фиксации процесса совершения преступления, способы и время осуществления его публичной демонстрации; содержание признака публичности; соотношение анализируемого квалифицирующего признака с аналогичными и др. Сделан вывод о необходимости официальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по указанным вопросам.

Обосновано предложение о целесообразности исключения из статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации указания на рассмотренный признак (с сохранением одноименного признака в перечне обстоятельств, отягчающих наказание) и введения в главу о преступлениях против общественной безопасности самостоятельной статьи об ответственности за публичную демонстрацию процесса совершения умышленного преступления и за распространение таких материалов, совершенные из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

Ключевые слова: публичная демонстрация преступления, треш-стрим, дифференциация ответственности, криминализация деяния

Для цитирования: Егорова Н. А. Совершение преступления с публичной демонстрацией: вопросы толкования уголовно-правовых норм // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 29—40.

**CRIME COMMISSION
ACCOMPANIED WITH PUBLIC MANIFESTATION:
SOME ISSUES OF INTERPRETING CRIMINAL LAW NORMS**

Nataliya Aleksandrovna Yegorova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

Abstract. The article views upon some issues of interpretation of criminal law norms, that include either basic or qualifying element of corpus delicti related to crime commission accompanied "with public manifestation, including the mass media or information and telecommunications networks (as well as the "Internet)". It also analyses paragraph "t" of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for the same circumstance aggravating the punishment. Other issues are touched upon, such as the place of public manifestation within the actus reus of the crime; the object and subject of the manifestation; the tech ways of recording the crime commission; means and timing of its public manifestation; the essence of the "public" notion; its correlation to similar qualifiers, etc. It makes a conclusion, that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation should give official interpretation on the above-mentioned issues.

The paper justifies: the deletion of the analyzed attribute from articles of the Special Part of the Russian Criminal Code (while maintaining it in the list as aggravating circumstances); and introduction of an independent

article to establish the responsibility for public manifestation of intentional crime commission and its dissemination, motivated by hooliganism, greed, or other vile motives, into the chapter on crimes against public safety.

Keywords: public manifestation of crime, trash stream, sharing responsibility, criminalizing an act

For citation: Yegorova N. A. Crime commission accompanied with public manifestation: some issues of interpreting criminal law norms. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 29—40, 2026. (In Russ.).

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ¹ (далее — ФЗ № 218) ряд статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) дополнен указанием на такой квалифицирующий признак (в ст. 116 УК РФ — альтернативный признак основного состава) составов преступлений, как совершение деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (далее — ИТС) (включая сеть „Интернет“)» (п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ) (одноименный признак в качестве обстоятельства, учитываемого судом при назначении наказания за умышленные преступления, появился в перечне обстоятельств, отягчающих наказание, — п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Таким образом, при помощи данного квалифицирующего признака осуществлена дифференциация ответственности за ряд умышленных преступлений против личности. Это не криминализация деяний, совершенных с публичной демонстрацией, поскольку ответственность за такие деяния и ранее была возможна, а именно дифференциация уголовной ответственности.

Одновременно Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 217-ФЗ в ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) введена часть 12, предусматривающая административную ответственность за распространение в ИТС информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных деяний, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низмен-

ных побуждений (при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния).

Вопрос о необходимости таких изменений (с весомой аргументацией в их пользу) был поставлен несколько лет назад [1; 2, с. 36—39]. Вносились предложения о криминализации распространения любой информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию несовершеннолетних [3, с. 31]. Между тем опасность демонстрации преступных деяний широкому кругу лиц заключается в воздействии таких материалов не только на детей, но и на совершеннолетних лиц, поскольку у определенной части взрослой аудитории тоже может возникнуть желание совершить подобные действия (см. пояснительную записку к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в дальнейшем — Проект²). Деструктивная сущность треш-стримов — в содержании контента, навязывающего «антиценности» (терпимое отношение к жестокости, одобрение и даже поощрение поведения треш-стримеров, отсутствие сочувствия к жертвам)³. В целом соглашаясь с выводом о целесообразности усиления ответственности за преступления, совершенные с публичной демонстрацией, остановимся на вопросах толкования уголовного закона в указанной части и квалификации преступлений с данным признаком. За сравнительно небольшой период действия данной новеллы уже возникли определенные проблемы, требующие решения.

1. *Какой признак объективной стороны характеризует публичная демонстрация преступления — способ его совершения или обстановку?* Полагаем, что не способ, так как публичная демонстрация преступного поведения лежит за пре-

² Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»: проект № 506240-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8?ysclid=m7f3ch2k1x605718150> (дата обращения: 21.02.2025).

³ В МВД назвали «треш-стримы» опасными для массового сознания. URL: <https://ria.ru/20210219/strim-1598165677.html?ysclid=mg6e1thpp229140142> (дата обращения: 30.09.2025).

¹ Если не указано иное, доступ ко всем упомянутым в статье нормативным правовым и судебным актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

делами общественно опасного деяния, ничего специфичного в само деяние не привносит, не упрощает достижение преступных целей. Способ совершения преступления предопределяет своеобразие самого деяния и физически неотделим от деяния [4, с. 444—445, автор главы В. Б. Малинин]. Публичная демонстрация преступления непосредственно в процессе выполнения его объективной стороны такими свойствами не обладает, а представляет собой внешние условия, т. е. обстановку его совершения [5, с. 596, 599].

2. *С публичной демонстрацией чего совершается преступление?* Логическое толкование рассматриваемых норм дает основания полагать, что демонстрируется само преступление. В связи с этим более удачной видится формулировка «совершение преступления с его публичной демонстрацией». Под демонстрацией при этом следует понимать показ (как правило, публичный) чего-либо [6; 7].

Неизбежны вопросы более частного характера: а) что именно должно демонстрироваться (т. е. показываться) публично для того, чтобы сделать вывод о наличии данного признака, — жертва преступления до и после посягательства на нее, орудия и средства совершения преступления, сам процесс совершения преступления или также его последствия, если они признаны обязательным признаком данного состава преступления, либо достаточно доведения до зрителей сведений только о деянии или только о последствиях; личность субъекта преступления; б) какой должна быть степень детализации признаков совершенного преступления (крупный план, наличие устных или письменных комментариев и т. п.).

Примечательно, что в отзыве Верховного Суда Российской Федерации на Проект предлагалось уточнить законодательное описание и отягчающего обстоятельства, и квалифицирующего признака путем использования более удачной, на наш взгляд, формулировки: «совершение преступления, сопряженного с публичной демонстрацией процесса его осуществления».

Полагаем, что на обозрение неопределенно широкому кругу лиц может быть представлена наглядная информация о совершаемом преступлении в любом объеме и с любой степенью конкретизации — главное, чтобы это позволяло сделать вывод о том, что в тех или иных материалах виден процесс совершения умышленного преступления, т. е. вопрос о наличии либо отсутствии демонстрации преступления должен решаться в каждом случае индивидуально.

3. *Каковы технические способы фиксации процесса совершения преступления, а также способы и время осуществления его публичной демонстрации:* а) это исключительно видеосъемка либо возможна демонстрация только фотографий или аудиозаписей, общения в чатах (между преступником и жертвой, преступником и очевидцами, соучастниками преступления, прибывшими сотрудниками правоохранительных органов и др.), СМС-сообщений и т. п., где зафиксированы изображения (речь) участников происходящего; б) демонстрация имеет место только непосредственно во время совершения преступления (в режиме стрима, т. е. прямой трансляции) или также при последующем (после совершения преступления) обнародовании такой информации в СМИ, если в процессе совершения преступного деяния происходящее фиксировалось тем или иным способом, но без трансляции в СМИ или ИТС; в) законодатель подразумевает публичную демонстрацию преступления только при помощи технических средств или же рассматриваемым признаком охватываются любые иные варианты совершения преступления в обстановке публичности?

Как следует из пояснительной записки к Проекту, его авторы придерживаются узкого понимания технического аспекта совершения преступлений с рассматриваемым квалифицирующим признаком (или отягчающим обстоятельством), признавая единственно возможным способом публичной демонстрации так называемый стрим, или видеотрансляцию процесса совершения преступления в прямом эфире [8, с. 61—64; 2, с. 38].

В науке высказано иное мнение, согласно которому публичная демонстрация преступления, имеющая значение признака состава преступления либо обстоятельства, отягчающего наказание, возможна не только во время совершения уголовно наказуемого деяния, но и после его окончания путем распространения соответствующих материалов [9, с. 265; 10, с. 99], а последующее распространение таких материалов представляет собой «криминализованное постпреступное поведение» [5, с. 600]. Публичную демонстрацию преступления (как стрим, так и осуществленную после совершения данного преступления) некоторые авторы характеризуют как «дополнительное общественно опасное деяние, образующее вместе с деяниями, характеризующими основной состав, составное преступление» [10, с. 99] либо как соучастие в делящемся преступлении [11, с. 21].

Представляется, что аудиовидео- (или только видео-) фиксация процесса совершения преступления возможна на любом носителе, а публичная демонстрация совершения умышленного преступления — в аудиовизуальных (или только визуальных) формах и только путем прямой трансляции. К такому выводу можно прийти путем системного и логического толкования норм уголовного и административно-деликтного права. В части 12 статьи 13.15 КоАП РФ предусмотрена ответственность за распространение в ИТС, в том числе в сети Интернет, информации, содержащей *изображение* (а не аудиозапись и не текст-описание) действий с признаками противоправных деяний. Вместе с тем, как представляется, размещение в открытом доступе фотографий, по общему правилу, не может быть признано техническим способом публичной демонстрации преступлений, так как по отдельным фотографиям сложнее, чем по видеозаписи, оценить зафиксированное на нем поведение человека с точки зрения соответствия нормам права (хотя теоретически можно представить себе ситуацию, когда по тем или иным причинам непосредственно во время совершения преступления демонстрируются не видеозаписи, а фотоизображения преступного поведения).

Согласно правовой позиции высшей судебной инстанции, при демонстрации имеет место открытый показ материалов либо предоставление неограниченному кругу лиц возможности просмотра данных материалов без возможности их самостоятельного использования; распространение предполагает предоставление каким-либо лицам (конкретным либо неопределенному кругу) возможности использования указанных материалов (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“» от 15 декабря 2022 г. № 37 (далее — ППВС РФ от 15.12.2022 № 37)). Следует подчеркнуть, что данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ относится к демонстрации и распространению порнографических материалов или предметов. По нашему мнению, применительно к анализируемому признаку состава преступления (а равно обстоятельству, отягчающему наказание) возможность либо невозможность самостоятельного использования видеоматериалов не имеет существенного значения. Так, именно распространением

визуальной информации, а не ее демонстрацией следует считать размещение видеозаписи уже совершенного преступления и ссылок на нее, если данное видео можно просмотреть, но нельзя сохранить на своем устройстве или иным образом самостоятельно использовать.

Трудно согласиться с допущением наличия рассматриваемого признака преступления (отягчающего обстоятельства) при распространении в прямом эфире аудиозаписи, отражающей процесс совершения преступления (точнее, лишь его звуковую составляющую) [5, с. 598, 600]. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, демонстрация — это *показ*, который при трансляции аудиозаписи отсутствует.

Сделать однозначный вывод о произошедшей криминализации постпреступного поведения, а именно распространения постфактум контента, содержащего видеозапись совершения преступления, не представляется возможным по причине несовершенства редакции ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ (об этом см. далее). В данной ситуации при конкуренции запрещающих норм уголовного и административно-деликтного права приоритетом обладает последняя (неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого — ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) (далее — Конституция РФ)) [12, с. 87]. Поэтому, если указанный контент был доведен до зрителей в ИТС после совершения преступления, то имеет место административное правонарушение — *распространение* информации, и должна применяться ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ (с учетом нормы п. 3 примечаний к данной статье). Основанием же уголовной ответственности при последующем (отложенном) распространении «криминального» контента следует признать совершение деяния, содержащего состав преступления без анализируемого квалифицирующего признака (если он предусмотрен в статье Особенной части УК РФ), а при отсутствии данного квалифицирующего признака в статье Особенной части УК РФ нельзя признать такое распространение обстоятельством, отягчающим наказание.

Спорно утверждение о том, что совершение уголовно наказуемого деяния с его публичной демонстрацией представляет собой составное преступление. Составным признается преступление, состав которого объединяет признаки «двух или более взаимосвязанных преступных деяний, каждое из которых при отдельном рассмотрении со-

держит признаки самостоятельного состава преступления» [13, с. 194]. Однако на данный момент публичная демонстрация криминального поведения как таковая не содержит состава преступления.

Столь же дискуссионно отнесение преступлений с их последующей публичной демонстрацией к длящимся преступлениям. Длящееся преступление начинается с преступного действия (бездействия), «образующего состав конкретного преступления, и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния» (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» от 12 декабря 2023 г. № 43, далее — ППВС РФ от 12.12.2023 № 43). Едва ли в период между совершением преступления, имеющего поддающийся установлению момент окончания (например, убийство, причинение вреда здоровью, побои), и последующим распространением видеозаписи данного преступления происходит «непрерывное осуществление» состава убийства, причинения вреда здоровью и т. п. Момент окончания длящегося преступления традиционно связывается с моментом добровольного либо вопреки воле субъекта (или независимо от его воли) прекращения осуществления преступного деяния (п. 3 ППВС РФ от 12.12.2023 № 43) [14, с. 100, автор главы Е. В. Журавлева]. Если видеозапись преступления сделана доступной для просмотра (телезрителями, пользователями сети Интернет и т. п.) после совершения данного преступления, это не есть прекращение преступления — ни демонстрируемого, которое уже завершено, ни какого-либо еще. Более того, открытие доступа к такой видеозаписи — это, скорее, только начало ее публичного показа.

Специфическим для демонстрации (в отличие от распространения) свойством считается синхронность (т. е. одновременность) действий субъекта демонстрации с восприятием контента зрителем [15, с. 125, 126]. Неслучайно резонансные факты публичной демонстрации умышленных преступлений, послужившие одним из аргументов в пользу принятия ФЗ № 218, имели место в прямом эфире. Если же признать, что публичная демонстрация преступления (а точнее — распространение информационных материалов о преступлении) может иметь место после его совершения, то в течение какого периода после окончания преступления — в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности? А если видеозапись процесса преступления (например, ст. 115, 116 УК РФ)

выложена после истечения указанного срока? Казалось бы, в такой ситуации уголовная ответственность как субъекта демонстрируемого преступления, так и субъекта распространения видеозаписи невозможна (то же — если указанные действия совершены одним лицом). Но если признать демонстрацию (под которой понимать и распространение) видеозаписи неотъемлемой частью объективной стороны преступления, то отправным моментом для отсчета срока давности будет не день совершения преступления, которое было объектом съемки, а день размещения в открытом доступе видеофайла. Подобные вопросы свидетельствуют о том, что расширительное толкование нового квалифицирующего признака, т. е. признание публичной демонстрацией распространения соответствующих материалов (например, размещения в социальной сети, в файлообменнике и т. п. видеозаписи уголовно наказуемого деяния после его совершения), может повлечь определенные сложности в правоприменительной деятельности.

Вместе с тем трудно отрицать, что демонстрация преступного поведения общественно опасна независимо от того, имеет ли она место во время или после совершения преступления. Поэтому не лишено смысла введение в УК РФ отдельной нормы об ответственности за действия, представляющие собой демонстрацию умышленного преступления либо распространение видеоматериалов, на которых зафиксирован процесс совершения либо процесс и результат такого преступления. Данные действия могут представлять собой самостоятельные виды общественно опасного поведения (за некоторые из них ныне предусмотрена административная ответственность в ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ). Здесь налицо «точки соприкосновения» с такими уголовно наказуемыми деяниями, как публичные призывы к противоправной деятельности (см., например, ст. 205.2, 280, 280.1, 280.3, 280.4, 354 УК РФ), публичное оправдание (ст. 205.2 УК РФ) и пропаганда противоправного поведения (ст. 205.2, ч. 3 ст. 239 УК РФ). Публичная демонстрация умышленного преступления, а равно распространение видеозаписи процесса его совершения и результата либо только процесса (кроме случаев, указанных в п. 3 примечаний к ст. 13.15 КоАП РФ) общественно опасны сами по себе, поскольку обладают криминогенным потенциалом. Такие действия представляют собой вызов общественному порядку и общественной нравственности, создавая у зрителей ложное впечатление о допустимости преступного поведения (в том числе как способе заработка для блогеров), сме-

щая границы между нормой и девиацией; а при осознании факта демонстрации потерпевшим причиняют ему дополнительные нравственные страдания.

С учетом особенностей современной уголовной политики полагаем приемлемым и такой вариант, как криминализация указанных действий, совершенных лицом, подвергнутым административному наказанию по ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ. Однако в настоящее время диспозиция данной административно-правовой нормы изложена так, что не позволяет составить представление о том, изображение каких именно действий должна содержать распространяемая информация: «Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети „Интернет“, информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей *изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных* (курсив наш. — Н. Е.), и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния». В выделенном курсивом фрагменте после слова «насильственных», по всей видимости, пропущено слово «деяний». Означает ли «распространение информации... распространяемой», что субъект данного правонарушения совершает противоправные действия с информацией, которая уже была кем-то распространена? И к чему относится оговорка «если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния» — к правонарушению, предусмотренному ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ, или же только к действиям, информация с изображением которых распространяется?

Как уже отмечалось, демонстрация означает публичный *показ*, а значит, немыслима без *изображения* (изображений) процесса совершения преступления либо процесса и результата преступного поведения. Показ может быть как со звуковым сопровождением, так и без такового, но нельзя говорить о показе при размещении в публичном пространстве только аудиозаписей (например, голосовых сообщений) или письменных сообщений, содержащих описание преступления.

По букве закона, публичная демонстрация преступления возможна не только в СМИ и ИТС (об их использовании законодатель упоминает «в том числе»). Иными словами, данный квалифицирующий признак следует вменять в любых случаях публичного совершения преступления, если виновный осознавал данное обстоятельство и, что

важно, преследовал цель совершить преступление именно в такой обстановке. Указанная цель позволяет отличить преступление с данным признаком от такого же преступления, не сопряженного с публичной демонстрацией, хотя и совершенного в присутствии посторонних лиц.

4. *Что означает «публичность» демонстрации и чем публичная демонстрация отличается от непубличной?* К содержанию понятия «публичность» Пленум Верховного Суда РФ обращается в постановлении «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) применительно к публичным призывам: «Вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.)» (абз. 3 п. 4 указанного постановления). Очевидно, что четкие критерии публичности в приведенном акте толкования права не приводятся. Аналогичный подход к пониманию публичности наблюдается и в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016).

Содержание понятия «публичная демонстрация» раскрывается в ППВС РФ от 15.12.2022 № 37. По смыслу абз. 3 п. 22 данного постановления, публичная демонстрация материалов означает открытый *показ* либо предоставление неограниченному числу лиц возможности *просмотра* таких материалов без возможности самостоятельного их использования. Далее Пленум относит к публичной демонстрации «действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, — стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах)».

Ключевым для публичности признаком Пленум считает *возможность ознакомления с демонстрируемыми материалами неопределенного круга лиц* (если материалы доводятся до конкретных, индивидуально определенных лиц, демонстрация не имеет публичного характера). Исходя из этого,

публичная демонстрация преступления имеет место при совершении данного преступления заведомо для виновного в присутствии (реальном или виртуальном) лиц, не являющихся соучастниками данного преступления и (или) близкими виновного (т. е. в обстановке, противоположной приватной, в условиях очевидности), если субъект преступления осознает это обстоятельство и желает совершить преступление именно в такой обстановке.

5. Должна ли публичная демонстрация преступления осуществляться только самим его субъектом (исполнителем), либо это может делать другое лицо (другие лица)? Буквальное толкование уголовного закона позволяет признать возможными оба варианта. Если исполнитель преступления и субъект публичной демонстрации не совпадают, то какую роль в преступлении, совершенном с публичной демонстрацией, играет лицо (или лица, если их два или более), ведущее прямую трансляцию происходящего? Является ли данное лицо исполнителем (точнее, соисполнителем) или иным соучастником преступления, которое демонстрируется? Такое лицо (условно назовем его «оператор») ни полностью, ни частично не выполняет объективную сторону демонстрируемого преступления, а значит, не может считаться его соисполнителем. Из всех других видов соучастников (ч. 3, 4, 5 ст. 33 УК РФ), пожалуй, ближе всех данное лицо к фигуре пособника. Тем не менее вряд ли корректно считать это лицо пособником преступления, ведь, как уже подчеркивалось, публичная демонстрация относится к обстановке преступления, а не к его способу. Лицо, обеспечивающее такую обстановку, не оказывает тем самым содействие совершению преступления (не «вкладывается» в преступный результат), не выполняет ни одну из исчерпывающе предусмотренных в ч. 5 ст. 33 УК РФ функций пособника, а лишь доводит информацию об этом преступлении до широкого круга лиц.

П. С. Яни считает, что «оператор» выступает в качестве пособника демонстрируемого им преступления, поскольку осуществляет «содействие совершению преступления путем предоставления средств его совершения. При этом средствами будет признано как техническое устройство, так и программное обеспечение, с помощью которых лицо будет публично демонстрировать соответствующие материалы» [16]. Однако средства совершения преступления, хотя и не используются для непосредственного воздействия на предмет преступления или на потерпевшего (в отличие от орудий), все же должны облегчать процесс со-

вершения преступного деяния [4, с. 467]. Обеспечение «прямого эфира» какому бы то ни было преступлению не упрощает совершение данного преступления. Поэтому ни техническое устройство, ни программное обеспечение не относятся к средствам совершения преступления (убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и т. п.).

Кем же тогда является упомянутое выше лицо (при условии, что его миссия ограничивается только онлайн-трансляцией преступления, совершаемого другим субъектом), какую роль в содеянном оно выполняет? Возможны следующие варианты уголовно-правовой оценки его действий: а) это все же соисполнитель преступления [17, с. 188; 11, с. 21], поскольку признак сопряженности основного преступления с его публичной демонстрацией расширяет пределы деяния в объективной стороне данного преступления; б) это пособник преступления, совершенного с публичной демонстрацией; в) действия данного лица не содержат состава преступления.

Первые два подхода небезупречны. Первый, чрезмерно репрессивный, позволяет в известной степени искусственно признать соисполнителями тяжких и особо тяжких преступлений лиц, которые совершают действия, несопоставимые по степени общественной опасности с такими преступлениями (совершать убийство совместно с другими лицами либо только снимать происходящее на камеру и выкладывать на всеобщее обозрение). Второй не согласуется с учением о соучастии и ч. 5 ст. 33 УК РФ, поскольку ни одно из перечисленных в данной норме действий такой субъект не выполняет. Об устранении препятствий при помощи стрима говорить не приходится: прямая трансляция преступления не упрощает, а, скорее, напротив — усложняет его совершение, делая очевидным для многих лиц (в том числе сотрудников правоохранительных органов) и повышая вероятность скорого разоблачения виновного и его задержания.

О соучастии «оператора» и других членов «съёмочной группы» с исполнителем публично демонстрируемого преступления в этом преступлении можно вести речь только при выполнении указанными лицами, помимо съёмки и трансляции, прямо предусмотренных в чч. 2—5 ст. 33 УК РФ ролей и наличии у всех соучастников (включая лицо, выполняющее объективную сторону преступления) умысла на публичную демонстрацию такого рода.

Третий вариант представляется самым верным с позиций действующего уголовного законода-

тельства, но сомнительным с точки зрения характера и степени общественной опасности содеянного.

6. *Чем обусловлен выбор составов преступлений, «нуждающихся» в анализируемом квалифицирующем (криминообразующем) признаке?* Почему одни составы «удостоены» этого, а другие нет, и суд вправе учесть данное обстоятельство лишь как отягчающее наказание? Исходя из содержания пояснительной записки к Проекту, можно предположить, что признак совершения деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть „Интернет“») появился в упомянутых нормах о преступлениях против жизни, здоровья, телесной неприкосновенности и свободы личности потому, что факты совершения именно таких преступлений в формате «треш-стримов» получили относительную распространенность. Круг так называемых «демонстративных» преступлений, в составах которых был бы уместен указанный квалифицирующий признак, гораздо шире [15, с. 126—127; 17, с. 188].

7. *Каково соотношение публичной демонстрации преступления с уже известными признаками — совершением деяния в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или ИТС (включая сеть Интернет) (п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 128.1, чч. 1, 3 ст. 137, п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ), а также совершением деяния с использованием средств массовой информации либо ИТС, в том числе сети Интернет (см., например, п. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 2 ст. 205.2, ч. 2 ст. 228.1, ч. 1.1 ст. 238.1, ч. 1.1. ст. 258.1, ч. 2 ст. 260.1, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280.1, п. «в» ч. 2 ст. 280.4, ст. 282, ч. 2 ст. 354, п. «в» ч. 2 ст. 354.1 УК РФ)?* Несмотря на большое сходство указанных признаков между собой, они не идентичны.

Признак совершения деяния «с публичной демонстрацией», как уже отмечалось, характеризует не способ, а обстановку совершения преступления.

В публичном выступлении могут совершаться лишь преступления, для которых характерен вербальный способ: например, доведение до самоубийства (путем угроз или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего); склонение к суициду или содействие ему, клевета, распространение сведений о частной жизни лица, вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего); в публично демонстри-

рующемся произведении, средствах массовой информации — преступления, для осуществления которых также необходимо использование устной или письменной речи и (или) изображений.

При совершении деяния в публичном выступлении и т. д., а равно с использованием СМИ, публичность выступает в качестве *способа* совершения деяния, что при определенных условиях повышает его результативность, тем самым обуславливая более высокую степень его общественной опасности. Например, высказанные публично (в общей беседе в социальной сети) угрозы могут оказать более серьезное воздействие на психику потерпевшего при доведении до самоубийства или склонении к самоубийству. Незаконный сбыт наркотических средств, совершенный с использованием ИТС (к примеру, через Телеграм-канал), позволяет охватить более широкую аудиторию потенциальных приобретателей и (или) упростить обмен информацией между сбытчиком и приобретателем.

Кроме того, в отличие от публичной демонстрации, использование ИТС при совершении преступления необязательно имеет публичный характер (см., например, п. «б» ч. 2 ст. 150, п. «б» ч. 2 ст. 151 УК РФ).

Вместе с тем между рассмотренными похожими признаками составов преступлений тонкая грань, что может вызвать сложности в толковании и применении уголовного закона (в частности, при решении вопроса о возможности учета при назначении наказания нового отягчающего обстоятельства, если преступление было совершено в публичном выступлении, которое транслировалось в прямом эфире).

В научных публикациях избранная законодателем модель ужесточения ответственности за треш-стримы уже подвергалась критике. Предложение о дополнении статей Особенной части УК РФ рассмотренным квалифицирующим признаком оценивалось скептически, взамен предлагалась криминализация организации треш-стримов, их проведения или участия в них, а также их финансирования или оказания иного содействия их проведению [18, с. 202—210].

Представляется, что применительно к преступлениям, совершаемым с их публичной демонстрацией, следует различать так называемое *основное преступление* (понятие условное), которое транслируется, и его публичную демонстрацию как *производное деяние* (возможно, в перспективе — самостоятельное преступление), которое находится за рамками деяния в основном преступле-

нии. Перечисленные выше действия (организация треш-стримов, их проведение, содействие им, в том числе их финансирование — кроме непосредственного участия в треш-стримах) можно было бы квалифицировать по гипотетической самостоятельной статье Особенной части УК РФ со ссылками на чч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ, поскольку поведение лиц, совершающих подобные деяния, представляло бы собой соучастие в указанном производном преступлении.

Критически следует оценить вывод о сходстве треш-стримов с преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, и основанное на этом предложение о дополнении данной статьи частью 3 — об унижении достоинства человека с применением насилия или угрозой его применения, совершенном публично с использованием сети Интернет (в качестве обязательных признаков субъективной стороны рассматриваются хулиганские побуждения, корыстная цель) [19, с. 91; 20, с. 139]. Как показывает практика, мотивы треш-стримеров могут быть далеки от экстремистских; цель возбуждения ненависти или вражды либо унижения достоинства по признакам принадлежности потерпевшего к определенной расе, национальности и пр., перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ, также может отсутствовать. Присущие треш-стримам хулиганские побуждения и (в особенности) цель извлечения материальной выгоды также свидетельствуют об ошибочности отнесения таких деяний к преступлениям экстремистской направленности.

Заслуживает внимания предложение, согласно которому, помимо самой публичной демонстрации преступного деяния, квалифицирующим признаком ряда преступлений необходимо признать совершение деяния «с использованием технических средств аудиовизуальной фиксации процесса совершения деяния с целью распространения или публичной демонстрации полученных материалов» [15, с. 127]. Остается открытым вопрос о перечне преступлений, совершение которых с данным признаком должно признаваться основанием для ужесточения типовой санкции. Такой путь едва ли оптимален, поскольку связан с необходимостью обоснования изменения оценки типовой степени общественной опасности (в сторону ее повышения) многих преступлений, совершаемых с указанным признаком. Неудобен он и с точки зрения законодательной техники, так как предполагает изменение редакций значительного количества статей Особенной части УК РФ.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод о некоторой поспешности и недостаточной продуманности решения о введении в уголовный закон рассмотренного квалифицирующего (криминообразующего) признака и одноименного обстоятельства, отягчающего наказание. На поставленные в настоящей статье вопросы должны быть даны ответы в официальных разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В перспективе считаем целесообразным исключить из статей Особенной части УК РФ указание на данный признак состава преступления, оставив его в перечне обстоятельств, отягчающих наказание, и ввести в главу о преступлениях против общественной безопасности¹ самостоятельную статью об ответственности за *публичную демонстрацию процесса совершения умышленного преступления и за распространение таких материалов, совершенное из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений* (в норме примечания к статье УК РФ по аналогии с п. 3 примечаний к ст. 13.15 КоАП РФ указать, в каких случаях данный состав отсутствует). Субъектами публичной демонстрации в данном составе должны признаваться лица, не участвующие в совершении «основных» преступлений; субъектами распространения материалов — любые лица. Местом расположения предложенной нормы должна стать именно глава 24 УК РФ, так как при публичной демонстрации не просто аморального, а преступного поведения, а равно распространении указанных материалов разрушение нравственных устоев общества выступает лишь промежуточным этапом посягательства на безопасность социума как состояние его защищенности от уголовно наказуемых деяний.

Предложенная законодательная конструкция не потребует использования «перечневого» подхода (т. е. перечисления в диспозиции указанной нормы всех статей об умышленных преступлениях, которые публично демонстрируются, либо видеозаписи которых распространяются).

Одновременно с этим необходимо устранить отмеченные выше ошибки в диспозиции ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ.

¹ Именно общественная безопасность и общественный порядок считаются в пояснительной записке к Проекту дополнительным объектом преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией.

1. Баландин А. Л. Новеллы УК РФ в части обстоятельств, отягчающих наказание // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 11. URL: <https://research-journal.org/archive/11-149-2024-november/10.60797/IRJ.2024.149.17?ysclid=mg6doerknt195967806#review> (дата обращения: 03.09.2025).

2. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Об усилении уголовной ответственности создателей треш-стримов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2. С. 36—40.

3. Букалерова Л. А., Остроушко А. В., Криез О. Преступления против информационной безопасности несовершеннолетних, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2021. Т. 12, вып. 1. С. 17—35.

4. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинина, 2005. 797 с.

5. Пестерева Ю. С., Тимошенко С. Е. Уголовно-правовые, криминологические, криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 4. С. 596—608.

6. Большой толковый словарь русского языка / общ. ред. С. А. Кузнецова. 2000. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts\[\]=42&ysclid=m6qm9vgn64957308507](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42&ysclid=m6qm9vgn64957308507) (дата обращения: 04.12.2025).

7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 04.12.2025).

8. Абрамян С. К. Проблемные аспекты ужесточения ответственности за треш-стримы в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 2. С. 61—64.

9. Левандовская М. Г. Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 263—267.

1. Balandin A. L. Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in terms of circumstances that aggravate punishment. International Research Journal, 2024. Available from: <https://research-journal.org/archive/11-149-2024-november/10.60797/IRJ.2024.149.17?ysclid=mg6doerknt195967806#review>. Accessed: 3 September 2025. (In Russ.).

2. Grigoriyev V. N., Terekhov A. Yu. On strengthening the criminal responsibility of the creators of trash streams. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 36—40, 2021. (In Russ.).

3. Bukalerova L. A., Ostroushko A. V., Kriez O. Crimes against the information security of minors committed through information and telecommunication networks (including the Internet). Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 17—35, 2021. (In Russ.).

4. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 4. Body of the crime. Saint Petersburg: Publishing house of professor Malinin; 2005: 797. (In Russ.).

5. Pestereva Yu. S., Timoshenko S. Ye. Criminal-legal, criminological, and criminalistic aspects of the public manifestation of crimes against the person on the Internet. Siberian Law Review, 596—608, 2024. (In Russ.).

6. The comprehensive explanatory dictionary of the Russian language. Red. by S. A. Kuznetsov 2000. Available from: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts\[\]=42&ysclid=m6qm9vgn64957308507](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C&mode=slovari&dicts[]=42&ysclid=m6qm9vgn64957308507). Accessed: 4 December 2025. (In Russ.).

7. Dictionary of the Russian language. In 4 vols. Red. by A. P. Yevgeniyeva. 4th ed., repr. Moscow: Russian language; Polygraphresources; 1999. Available from: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. Accessed: 4 December 2025). (In Russ.).

8. Abramyana S. K. Problematic aspects to make responsibility for trash streams more serious in the Russian Federation. Humanities, social-economic and social sciences, 61—64, 2024. (In Russ.).

9. Levandovskaya M. G. Conditions for applying a uniform approach to developing / constructing a qualifying feature for public manifestation of the commission of crimes against the person. Legal science, 263—267, 2024. (In Russ.).

10. Шкеле М. В., Кузнецова Н. И. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети «Интернет» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1. С. 97—100.

11. Бульбачева А. А., Котязхов А. В. Проблемы уголовно-правовой квалификации «публичной демонстрации» преступления как обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность // Полицейская деятельность. 2025. № 3. С. 17—23.

12. Кисин В. Р., Попугаев Ю. И. О коллизии (конкуренции) норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, и способы ее разрешения // Научный портал МВД России. 2013. № 2. С. 79—88.

13. Ораздурдыев А. М. Понятие единого преступления в уголовном праве // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 190—208.

14. Энциклопедия уголовного права. Т. 2: Уголовный закон. Санкт-Петербург: Изд. проф. Малинина, 2005. 847 с.

15. Гребеньков А. А. Интернет-трансляция совершения преступления в российском уголовном законодательстве и судебной практике // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 1. С. 121—128.

16. Яни П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Законность. 2025. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

17. Шевелева С. В., Михайлова О. Г. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2025. № 15 (2). С. 182—191.

18. Грачева Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6. С. 202—210.

19. Полунина Е. Н., Антонова А. В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90—91.

20. Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Треш-стрим — форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1. С. 137—143.

10. Shkele M. V., Kuznetsova N. I. Criminal responsibility for public manifestation of crimes against animals in the Internet. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 97—100, 2018. (In Russ.).

11. Bulbacheva A. A., Kotyazhov A. V. Problems of criminal legal qualification of "public manifestation" of a crime as a circumstance that aggravates criminal responsibility. Police Activity, 17—23, 2025. (In Russ.).

12. Kisin V. R., Popugayev Yu. I. On the conflict of norms providing for the administrative and criminal responsibility, and means to solve it. Scientific portal of the Ministry of the Interior of Russia, 79—88, 2013. (In Russ.).

13. Orazdurdyev A. M. Concept of uniform crime in the criminal law. Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev, 190—208, 2017. (In Russ.).

14. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 2. Criminal law. Saint Petersburg: Publishing house of professor Malinin; 2005: 847. (In Russ.).

15. Grebenkov A. A. Webcast of a crime in the Russian criminal legislation and judicial practice. Herald of Tver State University. Series: Law, 121—128, 2022. (In Russ.).

16. Yani P. S. Committing a crime with public manifestation in the mass media or information or telecommunication networks. Legality, 2025. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Access mode: for registered users.

17. Sheveleva S. V., Mikhailova O. G. Committing a crime with public manifestation as a novel in criminal legislature. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 182—191, 2025. (In Russ.).

18. Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Trash stream: social conditioning of criminalization. Topical problems of Russian law, 202—210, 2021. (In Russ.).

19. Polunina Ye. N., Antonova A. V. Issues of legislative regulation of responsibility for "trash stream" on the Internet. Legality and Law, 90—91, 2021. (In Russ.).

20. Rakhmanova Ye. N., Berestovoy A. N., Tsvetkov P. V. Trash stream as a form of online aggression: a criminal legal analysis. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 137—143, 2023. (In Russ.).

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

Yegorova Nataliya Aleksandrovna,
professor at the criminal law department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *